

«ПРАВИЛЬНО, ЮРА!»

ВОПРОС «КЕМ БЫТЬ?» ЧИТИНСКИЙ ЮНОША ЮРА СОЛОМИН РЕШИЛ ДЛЯ СЕБЯ В ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ, ПОСМОТРЕВ В КИНОТЕАТРЕ «ПИОНЕР» ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ «МАЛЫЙ ТЕАТР И ЕГО МАСТЕРА», СНЯТЫЙ К 125-ЛЕТИЮ ТЕАТРА, С УЧАСТИЕМ ИЛЬИНСКОГО, ЦАРЕВА, ЖАРОВА, РЫЖОВОЙ, БАБОЧКИНА, ТУРЧАНИНОВОЙ, ЯБЛОЧКИНОЙ, ШАТРОВОЙ. ЧЕМ ЧАЩЕ ПЕРЕСМАТРИВАЛ ОН ЭТОТ ФИЛЬМ, ТЕМ БОЛЬШЕ КРЕПЛА ЕГО УВЕРЕННОСТЬ В ПРАВИЛЬНОСТИ ВЫБОРА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ.

Он не стал, как это обычно делают абитуриенты, поступать во все театральные вузы сразу, а подал документы только в Щепкинское училище. Через три года исполнится шестьдесят лет с того дня, как он переступил этот порог. Впрочем, здесь творческое долголетие и верность театральному дому никого не удивляют, а что такое театральное «намоленное место», вылечивающее многие болезни и словно дарящее эликсир молодости, каждый актер Малого театра знает не понаслышке.

Курс набирала Вера Пашенная, любимая ученица Александра Ленского, соратница Станиславского (от которого нынешние студенты Юрия Мефодьевича отделены всего лишь тремя рукопожатиями). Любое ее «правильно, Юра» производило на начинающего актера необыкновенное впечатление. Но первый – человеческий – урок был преподан ею еще до начала учебы. Поступать Юрий Соломин приехал с отцом (известным в Чите музыкантом и педагогом), которого обокрали, пока сын проходил один из туров. Отцу оформили бесплатный обратный билет, но уезжать надо было срочно. Несчастный абитуриент вновь отправился в училище узнавать свою судьбу:



Для Мольера Соломина нет ничего страшнее позора, нет ничего прекраснее искусства

пан или пропал. «Что тебе, детка?» – спросила Вера Николаевна. А выслушав, подумала минуту и подарила ему потрясающий шанс: «Оставайся, ты принят», невольно решив не только творческую, но и личную судьбу Юрия Мефодьевича – на первом же курсе он встретил свою будущую жену Ольгу Николаевну (теперь они оба – профессора Щепкинско-го училища).

Мечта четырнадцатилетнего подростка сбывалась стремительно: «На втором курсе мне доверили несколько слов в «Иване Грозном» и даже указали в программке – рядом с Пашенной, Анненковым, Ковровым. Александру Александровну мы, студенты, возили на коляске в «Ярмарке тщеславия», и она с нами (!) разговаривала. Это все равно что космонавту Гречко встретиться с Королевым».

В дипломном спектакле Соломин играл Костю Треплева, искателя новых форм, и даже спорил со своей наставницей, доказывая ей, что убитая чайка – Треплев, а не Заречная. Впрочем, всю последующую жизнь Соломин будет отстаивать не новое, а вечное. «У режиссеров есть беда – работать в духе «а я так вижу» в пику автору. Или даже без автора. Но если Чехов написал так, будьте любезны не исправлять его и не поворачивать на сто восемьдесят градусов. Я видел спектакль, где Раневская была наркоманкой, но Чехов-то этого не писал. Будучи врачом, он сумел бы изобразить ее кокаинисткой, если бы надо было. Но такая «трактовка» измельчает ее трагедию. Если написано у Чехова, что Раневская плачет при виде учителя своего погибшего сына, актриса обязана за-



плакать, если она актриса. И никакого заместителя тут быть не должно.

А новые формы подсказывает жизнь. Но остаются вечные темы. Время не надо ни убыстрять, ни отодвигать. И если сегодня не срабатывает какая-то тема – не надо педантизировать ее, в классике есть и многое другое. Вот, скажем, играли мы «Царя Федора» тридцать лет. Из них лет двадцать пять фраза Шуйского: «Мне в Думе делать нечего, когда дела вершит не Дума, а шури твой» была проходной. И вдруг (уже при Ельцине) на эту реплику раздались аплодисменты, и все актеры на сцене встрепенулись, потому что это был сегодняшний нерв.

Или взять Островского. Раньше прекрасные актеры скисали, когда доходили до экономических тем: закладные, проценты.

Режиссер Волков даже приглашал экономиста на ликбез, а старые артисты тянули: «Ну давайте помараем». И зритель так же скучал в этих местах. А теперь это самое интересное. Что мы понимали тогда про проценты – есть сберкнижка и две копейки процентов. А теперь – сто двадцать процентов в месяц!!! А потом пошли банкротства, суды – чистый Островский.

Нельзя работать на потребу – кому бы то ни было. Если Хлестаков говорит: «Матушка такая, что еще можно бы...» – так это у него в мыслях. Не надо сразу заваливать ее при этой фразе на диван, как часто сегодня играют. Это будет неправдой, и одна неправда потянет за собой другую неправду. Ведь тогда не только нормы поведения – одежда была другой. В одном прекрасном итальянском фильме герой в приступе страсти запутался в шнуровке, распатронивая героиню. И это было так смешно!

Не надо давать зрителю просто поглотить над анекдотцем – ведь это же не искусство!»

В Малом театре Юрий Соломин сыграл более полусотни ролей, среди которых две – Хлестакова, две – Войничского, роль царя Федора, Тригорина, Протасова, Фамусова – и многие другие. Но самой любимой оказалась роль Сирано де Бержерака, подаренная ему Царевым. «Однажды меня вызвал в этот кабинет Михаил Иванович Царев. Поговорили мы на разные темы, а потом он в упор спрашивает: «У тебя мечта есть?» Раз пошел такой разговор, я и ответил: «Сирано». – «Что ж, хорошая пьеса». На худшее Царев старательно забалтывал вопрос о том, кто будет играть Сирано. А я в итоге получил роль – лучшую, я считаю, в моей жизни. Я бы и дальше ее играл, но однажды сильно разбилась на спектакле». Зато актеры Малого театра знают – к актерской мечте их худрук отнесется с большим пониманием.

Ровно полвека назад (и с подачи той же Веры Пашенной) Юрий Соломин впервые

снялся в кино, а через несколько лет проснулся знаменитым на всю страну. Фильм «Адъютант его превосходительства» проложил ему дорогу не только на Олимп естественного кино, но и в мировой кинематограф. Когда Акира Куросава выбирал актера на роль Арсеньева в фильм «Дерсу Узала», именно «Адъютант его превосходительства» рассеял его сомнения. А ниточка судьбы плелась между тем. Однажды Куросава обмолвился, что Соломин-сан мог бы быть и режиссером, и, когда Юрий Мефодьевич впервые получил предложение поставить спектакль, это благословение культового кинорежиссера сыграло решающую роль в его согласии.

Актер, режиссер, педагог, худрук, президент Русского национального центра Международного интситута театра – к этим «главным ролям» иногда добавляются «роли второго

плана». Одна из них – министр культуры Российской Федерации. Этот пост Соломин занимал недолго, но сделать успел многое: за два года добился отмены многих устаревших, советских еще законов и увеличения финансирования культуры – аж на два процента. Столь же причудлив и разнообразен

список наград, которых он удостоился: от премии ФСБ до японского ордена «За вклад в мировую культуру», от медалей «За заслуги перед Отечеством» разных степеней до подаренного ему астероида № 10054.

Но главной наградой по-прежнему остается для него хорошая роль. В прошлом году, после многолетнего перерыва, он сыграл наконец роль, которая очень украсила его и без того яркую актерскую биографию – булгаковского Мольера (кстати, Булгакова поставили в Малом театре впервые). И, может быть, впервые за всю историю постановки этой пьесы на первый план вышли не борьба с кабалой и сиятельным тираном, не дразни театрального закулисья, а сама жизнь, в которой нет ничего страшнее позора и ничего прекраснее искусства.

**НОВЫЕ ФОРМЫ
ПОДСКАЗЫВАЕТ
ЖИЗНЬ. НО
ОСТАЮТСЯ ВЕЧНЫЕ
ТЕМЫ. ВРЕМЯ
НЕ НАДО НИ
УБЫСТРЯТЬ, НИ
ОТОДВИГАТЬ.**

«YOU GOT IT, YURA!»

YURA SOLOMIN, A YOUNG MAN FROM CHITA, HAS FOUND HIS ANSWER TO THE QUESTION OF “WHO SHOULD I BECOME?” AT THE AGE OF FOURTEEN, AFTER WATCHING THE DOCUMENTARY ENTITLED “THE MALY THEATER AND ITS MASTERS” AT THE “PIONEER” CINEMA. THE DOCUMENTARY WAS PRODUCED TO MARK THE THEATER’S 125TH ANNIVERSARY AND FEATURED ILYINSKY, TSAREV, ZHAROV, RYZHOVA, BABOCHKIN, TURCHANINOV, YABLOCHKIN AND SHATROVA. THE MORE HE WATCHED THAT FILM, THE MORE CONFIDENT HE BECAME THAT HE MADE THE RIGHT CHOICE OF CAREERS.

Rather than applying to all theater schools at once, as is common practice for prospective students, he submitted his application only to the Schepkin School.

Three years from now will mark the sixtieth anniversary of the day when he stepped across this threshold. Though, admittedly, nobody here is surprised by creative longevity and loyalty to the theater house, and certainly every actor of the Maly Theater knows firsthand the meaning of the theater’s “prayer-soaked place” that cures numerous diseases and appears to grant everyone the elixir of youth.

The person in charge of selecting students for the course was Vera Pashennaya, Alexander Lensky’s favorite pupil and a colleague of Stanislavski (who is only three handshakes removed from Yuri Mefodievich’s current students). Every time she said “you got it, Yura,” it made an extraordinary impression on the young actor. But she gave him his first – human – lesson even before the start of his studies. When he came to try out for the school, Yuri Solomin brought along his father (a famous musician and teacher in Chita), who was robbed, while his son was going through one of the selection rounds. They managed to arrange for a free return ticket for his father, but they needed to leave right away. The poor applicant headed back to the school to find out his fate: whether or not he made it. “What do you need, kiddo?” Vera Nikolaevna asked. And, having

Actor, director, teacher, art director, president of Russian National Centre of ITI – these “leading roles” are sometimes joined by “supporting roles.”



heard him out, she thought for a moment and gave him an amazing chance: “Stay, you’ve been accepted.” Thus she unwittingly decided not only the creative destiny of Yuri Mefodievich, but also his personal one – he met his future wife Olga Nikolaevna during the very first year of studies (now they are both professors at the Schepkin School).

A fourteen-year-old teenager’s dream was swiftly coming true: “During my second year of studies, I was entrusted with a few lines in “Ivan the Terrible”, and they even put my name in the program – next to Pashennaya, Annenkov, Kovrov. We, the students, would drive Aleksandra Aleksandrovna out onto the stage in a carriage in “Vanity Fair”, and she would talk to us (!). This would be like astronaut Grechko meeting with Korolev.”

In his graduation performance Solomin played Kostya Treplev, a young man in search of new forms, and he even argued with his mentor, trying to prove to her that the dead seagull represents Treplev, and not Zarechnaya. Nevertheless, all his subsequent life Solomin would advocate the eternal, rather than the new. “Directors have this bad habit of working in the spirit of “well, that’s how

I see it” to spite the author. Or even without the author. But if Chekhov wrote it this way, be so kind as to not correct him and not turn one hundred and eighty degrees. I saw a performance once, where Ranevskaya was a drug addict, but Chekhov didn’t write that. Being a doctor, he could have portrayed her as a cocaine addict, if it were needed. But such an “interpretation” detracts from her tragedy. If Chekhov wrote that Ranevskaya cries upon seeing her dead son’s teacher, the actress must cry, if she is truly an actress. And there should be no substitute here.

And as far as the new forms, they are prompted by life itself. But the eternal themes remain. One shouldn’t hurry or push back time. And if one theme doesn’t work today, there is no need to over-accentuate it; the classics have many

other things, too. Here’s an example: we have been playing “Tsar Fyodor” for thirty years. For some twenty-five of those years Shuisky’s phrase: “What business have I at the Duma as long as not the Duma but your brother-in-law settles the affairs of the empire?” was just a cliché. And suddenly (already under Yeltsin) this line drew applause, and all the actors on the stage started, because that hit today’s nerve.

Or take Ostrovsky. In the past excellent actors would lose heart, when they got to the economic subjects: mortgages, interest. Director Volkov would even invite an economist to teach everyone the basics, and the old actors would drawl out: “Come on, let’s just fix up the text”. And the spectator was equally bored during those scenes. But now this is the most interesting part. What did we understand back then about interest – we had our savings bank book and two kopecks-worth of interest. But now – one

hundred twenty percent of interest per month!!! And then came the bankruptcies, the trials – straight out of Ostrovsky.

You cannot work to please somebody – whoever it may be. If Khlestakov says: “While her mother, well...” – it is in his thoughts. There is no need to immediately throw her on the couch upon saying

this line, as they often do these days. This would be an untruth, and one untruth would lead to another. After all, it wasn’t just the standards of behavior that were different back then – the clothes were, too. In one beautiful Italian movie the hero in the throes of passion got tangled up in the lacing, while trying to undress the heroine. And it was so funny! We shouldn’t allow the spectator to simply guffaw at a joke – after all, that is not art!”

Yuri Solomin played over fifty roles in the Maly Theater. Among those were two renditions of Khlestakov, two of Voynitsky, the part of tsar Fyodor, Trigorin, Protasov, Famusov and many others. But it was the part of Cyrano de Bergerac, given to him by Tsarev, that became his favorite one. “One time Mikhail Ivanovich Tsarev called me into this office. We talked about different

AND AS FAR AS THE
NEW FORMS, THEY
ARE PROMPTED BY
LIFE ITSELF. BUT THE
ETERNAL THEMES
REMAIN. ONE
SHOULDN’T HURRY
OR PUSH BACK TIME.



subjects, and then he asked me point-blank: “Do you have a dream?” Since the conversation turned this way, I replied: “Cyrano.” – “Well, it’s a good play.” During the meeting of the Arts Council Tsarev carefully avoided the question of who will play Cyrano. And in the end I got the part, which I believe to be the best one in my life. I would have continued playing it, but I got badly hurt once during a performance.” But at least the actors of the Maly Theater know that their art director will be very understanding of their artistic dream.

Exactly half a century ago (and at the instigation of the very same Vera Pashennaya) Yuri Solomin took part in a movie for the first time, and several years later he woke up famous all over the country. The movie “The Adjutant of His Excellency” paved the way for him not only to the Mount Olympus

of the national cinema, but also to the international stage. When Akira Kurosawa was looking for an actor to play Arseniev in the movie “Dersu Uzala”, it was “The Adjutant of His Excellency” that made up his mind. And in the meantime the thread of destiny kept on spinning. One day Kurosawa made it slip that Solomin-san could be a director as well, and when Yuri Mefodievich was offered for the first time to stage a show, this blessing given to him by the cult film director played a crucial part in his consent.

Actor, director, teacher, art director, president of Russian National Centre of ITI – these “leading roles” are sometimes joined by “supporting roles.” One of those is the Minister of Culture of the Russian Federation. Solomin didn’t hold that office for a long time, but he was able to accomplish a lot: during the two years he managed to obtain the repeal of many obsolete, Soviet-era laws and to increase the financing of the culture by a whole two percent. The list of awards that were conferred on

him is equally fantastic and diverse: from an FSB award to a Japanese medal “For Contributions to World’s Culture”, from different grades of “Orders of Merit for the Fatherland” to an asteroid number 10054, named in his honor.

But a good role remains his chief reward. Last year, after a lengthy break, he finally played the part that greatly enriched his already impressive acting biography – the part of Bulgakov’s Moliere (incidentally, it was the first time that Bulgakov’s play was staged at the Maly Theater). And, perhaps for the first time in the history of this play’s performance, it wasn’t the struggle against the cabal and the Sun Tyrant, nor the backstage theater squabbles that were in the spotlight, but rather life itself, where there is nothing more terrible than infamy and nothing more beautiful than art.